

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949917

 Editor - Director
 TATIANA K. DE DUBROWSKY
 Casilla de Correo 2847

Buenos Aires Argentina

 FANQUEO PAGADO
 Concesión N° 4233
 Concesión N° 3980

 Correo
 Argentino
 Suc. 30 (B)

INTERES GENERAL

AÑO XXII

Buenos Aires, 10 de agosto de 1971

Буэнос Айрес, вторник 10 августа 1971 года № 1120

ВЛАДИМИР ПОПОВ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

СКАЗАННОЕ В БУЭНОС АЙРЕСЕ 1-го АВГУСТА 1971 г. НА ТОРЖЕСТВЕННОМ АКТЕ В ОЗНАМЕНОВАНИЕ 150-ЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ФЕДОРА МИХАЙЛОВИЧА ДОСТОЕВСКОГО

Мы собрались сегодня для того, чтобы почтить память Федора Михайловича Достоевского. 30-го октября исполнится 150 лет со дня рождения великого писателя. Этот юбилей не только наше русское торжество, но и праздник мировой культуры. Достоевский близок и дорог не только нам, русским, но и всем цивилизованным народам мира.

Творчество Достоевского — ценная часть русского вклада в сокровищницу европейской культуры. Великий писатель чувствовал культурную связь между Россией и Европой и проникновенно писал о ней. Благодаря этой связи мы, русские, проживающие в Аргентине, не чувствуем себя чужими. Мы разделяем с аргентинцами идеалы и ценности европейской культуры.

О Достоевском и его творчестве написано и сказано очень много. Еще в 1906 году вдова писателя, Анна Григорьевна, составила библиографию о нем в 5000 номеров. С тех пор литературоведы, социологи, психологи, философы и ученые других отраслей знания, многократно увеличили эту библиографию. Но нельзя сказать, что изучение Достоевского закончено. Эта работа закончена быть не может. Каждое новое поколение по-своему воспринимает идеи и образы гениального писателя.

Аргентинец и англичанин, молодой студент и пожилой профессор, социалист и консерватор, христианин и атеист, каждый по-своему будет судить о Достоевском. Будет различной и художественная оценка его произведений. Бесспорно лишь то, что культурный человек, какие бы ни были его убеждения, не может обойти или замолчать творчество Достоевского. Слишком глубоко гениальный художник затронул основные философские проблемы, волнующие мыслящую часть человечества. Слишком ярко он описал страдания человека. На все эти темы человечество ищет и не находит ответа. Отсюда и современность Достоевского.

Для того, чтобы оценить творчество великого писателя, не нужно быть ученым, критиком, или литератором. Русское сердце не может не почувствовать силы его художественного гения. Русская душа не может не откликнуться на его мысли. Думается, что в этот юбилейный год каждый русский мог бы, и должен бы, перечитать бессмертные творения великого писателя, по-новому воспринять и осознать их. Это была бы наилучшая и наивысшая почесть памяти Федора Михайловича Достоевского.

Достоевский не укладывается в узкие рамки определенной идеологии. К нему нельзя приклеить какой-то ярлык. Но невозможно и пройти мимо некоторых основных характеристик его творчества — его христианского миропонимания, его восстания против всякого угнетения человека человеком, его борьбы за христианскую свободу человека, его стремления понять душу русского народа, слиться с простым народом, сохранившим, как он чувствовал, христианские устои жизни в большей чистоте, чем образованное общество.

Достоевский видел народность русской монархии и необходимость монархии для России. Он хорошо знал Европу и верил в то, что Россия своим христианским, народным, началом, покажет Европе и миру выход из тупика созданного индустриальной цивилизацией.

Этот «русский мессанизм» Достоевского стал источником пререканий и недоразумений еще при жизни писателя. Примером этого является знаменитая пушкинская речь, произнесенная 7-го июля 1880 года в публичном заседании Общества любителей русской словесности. В тот же вечер Федор Михайлович писал жене: «Зала была как в истерике, когда я закончил — я не скажу тебе про рев, про вопль восторга. Люди незнакомые между публикой плакали, рыдали, обнимали друг друга и клялись друг другу быть лучшими, не ненавидеть вперед друг друга, а любить. Порядок заседания нарушился — все ринулось ко мне на эстраду: гранд-дамы, студентки, государственные секретари, студенты — все это обнимало и целовало меня».

Но идея Достоевского — преодолеть обособленность различных группировок, в частности славянофилов и западников, не была принята единодушно. Вскоре резкая критика заставила Федора Михайловича выпустить специальный номер «Дневника писателя» с текстом речи и с ответом критикам.

Достоевский подчеркивал, во-первых: оторванность интеллигенции от народа, как «самую большую язву составившегося у нас после великой Петровской реформы общества». Во-вторых: русскую национальную «всеплодность» всемирной отзывчивости и полнейшего перевоплощения в гении чужих людей, перевоплощения почти совершенного.

«Русская душа, — писал он, — может быть, наиболее способна из всех народов вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви. В этом для нас великое утешение в будущем, великая и, быть может, величайшая надежда, светящаяся впереди... (поэтому) стремление наше в Европу даже со всеми увлечениями и крайностями его, было не только законно и разумно в основании своем, но и народно».

Указывая на историческую задачу России «стремиться внести примирение в европейские противоречия... изречь окончательное слово великой общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону», Достоевский утверждал, что всечеловек есть настоящий русский человек, «ибо, что такое сила русской народности как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности».

Ту же мысль он высказал одному иностранному дипломату в еще более заостренной форме: «Мы обладаем гением всех наций и сверх того русским гением». Для Достоевского: «Идеал и цель русского народа — всемирное братство людей по заветам Христа, и русскому народу предназначено осуществить этот завет».

Некоторые иностранцы склонны смешивать этот русский христианский идеал с революционностью международного, атеистического коммунизма. Другим ка-

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

429. АМЕРИКАНО-КИТАЙСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ. — НЕРАЗБЕРИХА В АРАБСКОМ МИРЕ. — НОВЫЙ РОМАН СОЛЖЕНИЦЫНА. — ВЕРХОВНЫЙ СУД УВЕЛИЧИВАЕТ СРОКИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ.

Таинственный полет Киссингера в Пекин, его двухдневное совещание с Чоу Эн-Лаем и секретное между ними соглашение вызвало одинаковую растерянность на Формозе, в Ханое и в... Москве. 9-го июля было объявлено в Карачи, что эмиссар президента Никсона заболел, отменяет приемы и встречи и летит отдыхать на два-три дня в горы Северного Пакистана. Там ему был предоставлен охраняемый особняк, журналы не были допущены, а в саду прогуливался поразительно похожий на него «двойник» из его охраны. Самолет Киссингера ждал его на этом курорте, а он на небольшом пассажирском самолете с паспортом на имя немецкого коммерсанта вылетел в Пекин, где два дня (с 9 по 11 июля) провел в переговорах с Чоу Эн-Лаем.

Текст соглашения точно не известен. Но обе стороны сообщили, что Соединенные Штаты отказываются от сопротивления приему пекинского правительства в Объединенные Нации с предоставлением постоянного места в Совете Безопасности, которое занимал до сих пор Национальный Китай — самый верный союзник США. Начинается широкое экономическое сотрудничество и обе державы будут вести переговоры о разрешении всех разделявших их прямо противоположную политику проблем.

Против соглашения протестовал посол Тайвана, который был принят Роджерсом после обнародования соглашения. Роджерс его заверил, что США остаются верны соглашению о защите Тайвана от всяких попыток военного нападения Китая. Затем были даны заверения советскому послу Добрынину, что дружба США с Красным Китаем не направлена против СССР. Негодует правительство Северного Вьетнама, обвиняя Пекин в предательстве, и радио Ханоя гневно говорит, что прошли времена, когда военные колоссы (намеки на Вашингтон и Пекин) могли решать судьбы народов, превращая своих союзников в разменную монету.

Но еще любопытнее и для нас всего интересное позиция Москвы. После помещения мелким шрифтом сообщений ТАСС из Вашингтона и Пекина о соглашении 11-го июля газеты два дня молчали и игнорировали эту сенсацию, а затем почему-то не «Правда», а «Литературная газета» перепечатала статью из болгарской печати, где прямо написано, что это соглашение направлено против СССР и всех «народных демократий». Подчеркнуто, что Соединенные Штаты

не могут месяцами сговориться с СССР ни по одному политическому вопросу, а тут в два дня сговорились с правительством, враждебным СССР. Со своей стороны Пекин, который за восемь месяцев переговоров с СССР не может сговориться о пограничных спорах, тут в два дня сговорился с врагом коммунизма, который продолжает по сей час войну во Вьетнаме, Лаосе, Камбодже и срывает всякое соглашение на Среднем Востоке, поддерживая Израиль против арабов. Ясно, что такое соглашение не вызвано миролюбием.

Столь резкую статью против Соединенных Штатов трусливый Брежнев не решился напечатать от имени партии в «Правде» или правительства в «Известиях», а приказал опубликовать болгарам и перепечатать в «Литературной газете».

Это загадочное соглашение двух ярых противников по таинственности напоминает «Пломбьерский заговор» 1859 года между Наполеоном Третьим и Кавуром о нападении на Австрию для завоевания Пьемонтом Ломбардии с уступкой Франции Савойи и Ниццы или первое тайное свидание в Москве нациста Шнурре с Молотовым перед подписанием пакта Молотова с Риббентропом о разделе Польши и присоединении к СССР трех балтийских республик. Как англо-французы не ожидали сговора Сталина с Гитлером, так и теперь никто не ждал сговора Никсона с Мао Тзе-Дуном. Никсон не едет в Москву, но собирается в Пекин в мае 1972 года, когда обе стороны выполнят неведомые нам пункты соглашения.

Не будем гадать: заставит ли Пекин вьетнамских коммунистов пойти на компромиссный мир, чтоб позволить увезти домой последнего американского солдата? Но президент Южного Вьетнама сделал ловкий ход по совету из Вашингтона: предложил немедленное перемирие Северному Вьетнаму и свободные выборы по всей стране под контролем международной комиссии, в которых будут участвовать все политические партии, включая коммунистов. В результате таких выборов большинство составит единое демократическое правительство всего Вьетнама.

Правительство Ханоя и коммунистические партизаны на Юге немедленно отклонили подобное предложение, отлучно понимая, что по всей стране и особенно в Северном Вьетнаме коммунисты окажутся в незначительном мень-

жется одинаково опасным и первое и второе. Наш долг — говорить правду о России и о Достоевском. Сейчас, почти через сто лет после того как великий писатель пророчески указал на последствия атеизма и революции, ясно, что он был прав. Духовное перерождение человечества через веру Христову — единственный выход из мирового кризиса, а вера в преодоление кризиса через совершенный социальный строй и создание земного рая — лишь дорога к самоуничтожению. Ясно и то, что несмотря на два поколения русских, выросших под гнетом атеистической, коммунистической диктатуры, русский народ, в массе своей, сохранил свои христианские идеалы.

Русским, пережившим войну и революцию и испытавшим горечь изгнания, особенно близок Достоевский. Он так выпукло описал зло и страдание, судьбу униженных и оскорбленных. Но гораздо важнее, что Достоевский указал и на то, как христианин должен относиться ко злу и страданию. Падение, унижение, оскорбление, страдание, все должно перенести со смирением. Лишь тогда возможно очищение и возрождение. Эта тема постепенного обновления человека, постепенного перехода из одного мира в другой, один из лейтмотивов творчества Достоевского. Это творчество настолько глубоко и многогранно, что не поддается краткому синтезу.

ВЛАДИМИР ПОПОВ

шинстве, ибо там весь народ страдает от хозяйничанья коммунистической диктатуры.

Лучшим примером может служить Австрия: она испытала тяжелую советскую тиранию и с освобождением от иностранной оккупации в 1955 году до сих пор при свободных выборах коммунисты не могут провести ни одного депутата, как это случится в будущей освобожденной России, где при полной свободе предвыборной пропаганды победят народные монархисты при небольшом числе избранных солидаристов и полном провале меньшевиков и ультра-левых. Именно поэтому **нигде** коммунисты не могут допустить свободных выборов.

Соглашение с Пекином подняло престиж Никсона в США и вызвало осторожное одобрение среди держав НАТО и в Румынии при раздражении в Японии и на Тайване и растерянности в СССР. Роджерс заверил советского посла Добрынина, что соглашение с Пекином не направлено против СССР, чему никто в Москве не верит. Там считают, что общая политика США и Пекина будет направлена на изоляцию СССР и откол от Москвы ее сателлитов.

Москва не верит никаким заверениям американской дипломатии и злорадия правящих кругов против Никсона и Мао Тзе растет с каждым днем. Следует ожидать и усиления темпа вооружений.

«Литературная газета» издевается над «культом» Мао Тзе, при котором глухонемые, прочитав «Мысли Мао Тзе», начинают петь хором, а у раненых исцеляются раны.

В арабском мире царит полная неразбериха, как показывают три события:

1. В Марокко генералы, приближенные к султану, богатейшие в стране помещики, подло обманув юнкеров военных школ, пытались убить султана на банкете в честь его 42-летия, для провозглашения республики. Но султан спасся и подавил восстание при помощи разобравшихся в обмане юнкеров. Попытка повторить предательское злодеяние, жертвой которого пали в нашей истории святой Андрей Боголюбский в 1174 году и император Павел Первый в 1800 г., провалилась, что вызвало поздравления королей Гуссейна Иорданского и Ибн-Сауда, и дерзкие выходы свергнутого их короля. После двухдневной битвы их сопротивление войскам Гуссейна сломлено: около двухсот из них убито, более 800 сдались в плен, в свои беженские лагеря с обязательством заниматься мирным трудом, больше не бунтуя. 400 отправлены с их семьями в Сирию, где продолжают борьбу против Израиля. 40 перешли на службу в войска короля Гуссейна. Более 300 с семьями переедут в Египет и Ливан и около 400 сдались израильским войскам. Около 300 скрылось в горах для продолжения вылазок против войск короля. Это вызывает негодование советской печати, рассчитывавшей, что федаи свергнут короля, что привело бы к созданию просоветской республики, которая продолжала бы войну против Израиля организацией партизанщины и индивидуального террора.

2. Коммунистический переворот в Судане организованный майором Ата, вызвал протест Иордании, Саудии, Туниса, недоумение в Египте и восторги в Ираке и Сирии.

3. Мудрый и храбрый король Гуссейн наконец расправился с зараженным коммунизмом федаями, которые, нарушив гостеприимство в принявшей и вооружившей их Иордании, вместо борьбы против Израиля, решили свергнуть с престола благодетельствовавшего их короля. После двухдневной битвы их сопротивление войскам Гуссейна сломлено: около двухсот из них убито, более 800 сдались в плен, в свои беженские лагеря с обязательством заниматься мирным трудом, больше не бунтуя. 400 отправлены с их семьями в Сирию, где продолжают борьбу против Израиля. 40 перешли на службу в войска короля Гуссейна. Более 300 с семьями переедут в Египет и Ливан и около 400 сдались израильским войскам. Около 300 скрылось в горах для продолжения вылазок против войск короля. Это вызывает негодование советской печати, рассчитывавшей, что федаи свергнут короля, что привело бы к созданию просоветской республики, которая продолжала бы войну против Израиля организацией партизанщины и индивидуального террора.

Арабский мир разделен: просоветские республики Египет и Сирия, военная диктатура Гадафи в Ливии, коммунистическое правительство в Судане ориентированы на СССР. Монархи Ибн-Сауд, Гуссейн и Гассан в Марокко ищут помощи на Западе и по преимуществу во Франции. Алжир и Ливан занимают среднюю позицию. При таких расприх Израиль может быть спокойным за свои завоевания. Израиль теперь предлагает НАТО уступить завоеванный Синайский полуостров с выходами в Красное и Средиземное моря под военную базу для НАТО, что окажется стратегически лучше баз на Кипре и на Мальте, откуда победившее на выборах одним голосом правительство рабочей партии грозит выгнать союзников или провозгласить нейтралитет Мальты выгодный для СССР. Таким образом и здесь положение становится неблагоприятным для СССР,

который ставит свою ставку на вооружаемый попрежнему Египет и на дружественные Сирию, Ливию и Алжир. Ирак скорее настроен за Мао и фактически не играет никакой роли в конфликте с Израилем.

А. И. Солженицын печатает за границей через свои тайные каналы роман «Август четырнадцатого», в котором описывает начало Первой мировой войны, вторжение армий Северо-Западного Фронта в Восточную Пруссию и трагическую гибель генерала Самсонова после окружения его армии.

Замысел великого писателя несомненно продиктован примером Льва Толстого: не будучи современником Отечественной войны, он гениально изобразил эту славную страницу русской истории в «Войне и Мире». Солженицын начал теперь многотомное произведение из эпохи Первой мировой войны, в котором, подобно Толстому, чередует описания боев с картинами мирной жизни и героями и героинями не участвующими непосредственно в военных действиях.

Как Толстой описывает неудачный ход кампании в Австрии с ошибками верховного командования и переживаниями офицеров в походах по чужой земле, так и Солженицын в художественной форме описывает, как неудачи в Первой мировой войне, ошибки верховного командования и подрывная работа революционной интеллигенции неизбежно привели к проклятой февральской смуте, которая в свою очередь привела к смуте октябрьской и закабалению русского народа.

Верю, что при огромном своем таланте Солженицын создаст гениальное произведение не хуже «Войны и Мира», но это не нанесет тех ударов по большевизму, которые наносили все его прежние произведения, созданные на основе личных переживаний и непосредственных наблюдений. Ведь и в «Дне Ивана Денисовича» и в «Раковом корп. Писателей», что в «В круге первом» он ярко описывает лично им пережитое и виденное собственными глазами. Пусть он признал потом на заседании Союза Писателей, что в «Круге первом» он переборщил и признает неправдоподобность отдельных глав (лично думаю, что это — описание посещения Элеонорой Рузвельт заключенных или роман Нержина с надзирательницей, которую никогда бы не назначили контролировать арестованных мужчин, чтоб между ними не возникло любви). Но все это сильно и правдиво описано и потому является ценным свидетельством советских злодеяний.

Теперь автор будет описывать нам Первую мировую войну и канун революции. Эта эпоха замечательно описана ген. П. Н. Красновым в лучшем его романе «От двуглавого орла к красному знамени». Но Краснов сам пережил ту предреволюционную эпоху.

Пожелаем Александру Исаевичу хорошо и правдиво показать нам эпоху, которая привела к закабалению большевиками нашей родины. В своем новом романе Солженицын показывает, как ошибки Верховного Командования привели к гибели целую армию и довели до трагического самоубийства одного из лучших русских полководцев генерала А. В. Самсонова.

В середине июля состоялся пленум Верховного Суда СССР. После обмена мнений выяснилось, что преступность продолжает возрастать, а потому решено повысить сроки наказаний по следующим видам преступлений: покушения на жизнь, здоровье и человеческое достоинство (?) граждан, хищения и растраты социалистической собственности (т. е. государственного, а не частного имущества), взяточничество, выпуск недоброкачественной продукции, а также не стандартных и некомплектных изделий, приписка в государственной отчетности и различные должностные и хозяйственные преступления.

Этот перечень не трудно расшифровать. Покушения караются сурово и будут еще строже караться, если дело идет о сопротивлении чекистам, милиции, дружинникам. Недаром мне попадались в советской печати статьи, в которых попрекали «дружинников» за то, что они любят дежурить в клубах и кино, чтоб удалять пьяных хулиганов, но бояться встречаться с настоящими бандитами. Последние могут оказать вооруженное сопротивление, при котором подвергнется опасности жизнь и здоровье комсомольцев «дружинников». Растут хищения на предприятиях и в

Зарубежная Жизнь

ОБРАЩЕНИЕ К ХРИСТИАНАМ В СВОБОДНЫХ СТРАНАХ

Нижеследующее Обращение было принято епископами свободной части Русской Православной Церкви на совещании, которое состоялось во Франкфурте-на-Майне 26-27 июня 1971 года. Редакция просит русских людей содействовать опубликованию Обращения в русской зарубежной и в иностранной печати.

Страшные известия поступают к нам из России: убедившись в невозможности создания во всем покорного диктаторам «советского человека» средствами пропаганды и террора, власти направляют исповедников веры и иных граждан, отстаивающих свое право мыслить не по указаниям партии, в так называемые «специальные психиатрические больницы». Их подвергают воздействию фармацевтических средств до тех пор, пока они не становятся слабоумными, не способными ни к сопротивлению, ни к защите своей веры беспомощными людьми.

Заключенный в Ленинградскую «специальную психиатрическую больницу» преподаватель математики Василий Иванович Чернышов пишет:

«Хотя я и боюсь смерти, но пусть лучше меня расстреляют. Как гадка, как омерзительна одна только мысль, что мою душу осквернят, раздавят! ... человек теряет свою индивидуальность, у него притупляется ум, разрушаются эмоции, утрачивается память. Но самое страшное, что в результате лечения стирается все тонкое своеобразие человека. Это — смерть для творчества. Принимающие аминазин после приема не могут даже читать. Интеллектуально они становятся все грубее и примитивнее».

В. И. Чернышов свидетельствует, что в той же «больнице» уже свыше 25 лет томится Н. И. Брославский — здоровый человек. Ему предлагают свободу за отказ от веры в Бога.

Только что попали на Запад написанные в одной из московских «больниц» «Записки из Красного дома» Геннадия Михайловича Шиманова. Шиманов предвидит, что после дальнейшего «лечения», которое ему угрожает, выведут его из «больницы» к любимой жене «придурковатого, слюнтявого, хихикающего».

«Есть прогресс! — скажет лечащий врач, — уже в Бога не верует. Соображает, правда, еще с трудом и языком еле ворочает, но ведь и раньше у него была только внешняя логика, а по существу-то ведь бредил».

И тем не менее Г. М. Шиманов исповедует:

«Да будет воля Господня во всем!.. Сведет ли меня с ума, оставят ли в разуме, все хорошо и прекрасно под небом Всевышнего. Все принимаю, что посылает Бог, все принимаю, как ребенок из рук отца, — и сладость, и горечь, и безумие, и свет, и тьму, и любое злодейство, и всякую доброту...»

«Специальные психиатрические больницы» известны в Казани, Сычевке (Смоленской области), в Ленинграде, Черняховске, в Минске, Днепротровске и Орле. Вероятно существуют они и в других местах. При многих общих психиатрических больницах существуют особые отделения для «лечения» от инакомыслия и от веры в Бога.

Заграничные опубликованы имена более 60 жертв подобного «лечения». Признанная и контролируемая атеистической властью Московская патриархия обо всем этом молчит.

Мы, свободные епископы Русской Православной Церкви, молчать не можем. Александр Солженицын назвал заключение здоровых людей в психиатрические больницы «вариантом газовых камер».

От имени Русской Православной Церкви и от имени страждущего нашего народа взываем мы к совести мира:

Осудите коммунистические преступления против человечности так, как вы осудили преступления национал-социализма.

Окажите моральное давление на преступников.

Заставьте правительства свободных стран, международные организации, печать, телевидение и радио выступить в защиту людей, которых калечат врачи-палачи.

Молитесь за ваших гонимых братьев.

Филарет, Митрополит Нью-Йоркский и Восточно-Американский; Архиепископ **Филофей**, Управляющий Берлинской и Германской епархией;

Антоний, Архиепископ Женевский и Западно-Европейский, Управляющий Австрийской епархией;

Епископ **Нафанаил**, Настоятель обители преподобного Иова Почаевского в Мюнхене;

Иаков, Епископ Гаагский, Начальник Голландской Миссии Русской Православной Церкви;

Павел, Епископ Штуттгартский.

СОВЕЩАНИЕ ЕПИСКОПОВ ЗАРУБЕЖНОЙ ЦЕРКВИ

В субботу 26 и в воскресенье 27 июня (н. ст.) во Франкфурте-на-Майне происходил съезд западно-европейских епископов Русской Церкви за рубежом, который возглавил прибывший из Нью Йорка Высокопреосвященнейший митрополит Филарет, первоиерарх свободной части Русской Православной Церкви. По состоянию здоровья из Лондона не смог прибыть на совещание Архиепископ Ричмондский и Британский Никодим.

Всенощное бдение и божественную литургию во франкфуртском Свято-Николаевском храме собравшиеся епископы совершили с большим духовным подъемом, который передался и собравшимся со всей Германии богомольцам. Сопровождающая своего епископа, прибыла и группа клириков и мирян Голландской миссии.

Высокопреосвященнейшему митрополиту Филарету сослужили архиепископ Филофей, Управляющий Берлинской и Германской епархией, архиепископ Антоний Женевский и Западно-Европейский, епископ Нафанаил — настоятель монастыря в Мюнхене, Начальник Голландской миссии епископ Иаков, епископ

магазинах. В погоне за перевыполнением промфинпланов заводами выпускается недоброкачественная продукция, не соблюдаются установленные стандарты при выпуске машин, механизмов и предметов широкого потребления: одежды и продовольственных консервов. Машин выпускаются некомплектными и потому не могут работать. Никакие призывы партии не помогают и остается только пугать более жестокими наказаниями.

Попрежнему процветают приписки во всяких отчетах о перевыполнении планов и часто после рапорта о перевыполнении промфинплана сначала награждают директоров, председателей профкомов и секретарей парткомов заводов, а после проверки отчета их же привлекают к ответственности. При этом о наградах пишут в газетах, а о предании суду советская печать молчит. Теперь же решено давать им более суровые наказания, как и за «должностные и хозяйственные преступления», которые сообщением о Пленуме не уточняет.

Алексей Ростов

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН

МОЛИТВА ГЕНЕРАЛА САМСОНОВА

За всю свою военную службу не предполагал Самсонов, что может так сразу сойтись тяжело, как ему сейчас.

Как бутылка с подсолнечным маслом, взмученная тряской, нуждается отстояться до прозрачно-солнечного цвета, муть книзу, а пустые пузырьки вверх, — так тянулась очиститься и душа командующего. А нужна была для того, он ясно понял: молитва.

Молитва ежедневная, утренняя и вечерняя, бормотомая по привычке и наспех, между мыслями, забегаящими на дела, это как умывальные одетому и одною горстью: толика чистоты, а почти и неощутимо. Но молитва сосредоточенная, отданная, молитва как жажда, когда невыносимо без нее и ничем нельзя ее заменить, — такая молитва, помнил Самсонов, преображает и укрепляет всегда.

Не зовя своего вестового Купчика, он встал, нашарил спички, зажег на малый фитиль граненую настольную лампу, заложил крючок на двери. А окна не задергивал — напротив не было второго этажа.

Он раскрыл нагрудный походный казачий складень белого металла и тремя створками утвердил его на столе. Тяжелыми коленями опустился на пол, не справляясь, чисто ли там. И так, грузной тяжестью на коленях, от боли в них испытывая удовлетворение, уставился в распятие и две иконки складня — Георгия Победоносца и Николая Угодника, вошел в молитву.

Сперва это были две-три цельных известных молитвы — «Да воскреснет Бог!», «Живый в помощи», а там дальше потекла молебная немота, что-то бес-сознательное составляемое, незвучащее, изредка опертое на крепко сложенные, удержанные памятью опоры: «...вспресветлое Твое лицо, о Жизнеподатель!», «боголюбивая и щедромилостивая Богоматерь...» — и опять без слов, в дымных тучах, в тумане, перепрыгивая с пласта на пласт, пошевеленные, как льдины в ледоход.

То, что больше всего бренило, то цельней и верней выражалось не готовыми молитвами и не своими даже словами, а — стояньем на ломящихся, а вот уже и забытых коленях, смотреньем пристальным и отдающей немотой. Поставить перед Богом всю жизнь свою и всю сегодняшнюю боль охватнее было — вот так. А Бог и сам ведь знал, что не для почестей личных, не для власти служил Самсонов и орденами изувешался не для них. И сегодня успеха своим войскам просил не для спасения своего имени, но для могущества России, ибо эта начальная битва много могла определить в судьбе ее.

Он молился — о ненасправности жертв. О ненасправности гибели тех, кто по внезапности свинца и железа, вошедшего в тело, не успел даже перекреститься на смерть. Он молился о ниспослании ясности своему замученному уму, чтобы на пике высшего времени мог бы сложить он верное решение — и так воплотить ненасправность жертв.

Он стоял колленно, всей тяжестью вдавливаясь в пол, смотрел на складень вровень глаз своих, шептал, молчал, крестился — и тяжесть крестящейся руки с каждым разом становилась как будто менее, и тело не так грузно, и душа не так темна: всё тяжкое и темное беззвучно и невидимо отпадало от него, отделялось, возгонялось — это Бог на себя принимал от него тяготу, — Ему ведь всё посильно перенять.

И — чин как будто отлетел от командующего, и сознание города Найденбурга, и армейского штаба в двух шагах отсюда — молящийся всплывал, чтобы прикоснуться вышних сил и отдаться их воле. Ибо вся стратегия и тактика, снабжение, связь, разведка — разве не было копошение муравьиное перед волею Божьей И если благоволил бы Господь вмешаться в ход сраженья, как по преданиям бывало в старину не раз, то чудодейственно выигралось бы оно при всех огрехах.

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН
(«Август четырнадцатого»)

Павел Штуттгартский, архимандрит Голландской миссии Адриан, протонерей Игорь Троянов, протонерей Леонид Игнатьев, священник Феодор Трофимов, священник Димитрий Игнатьев и священник Слободан Милуннич, при диаконе Никите Чакирове.

Во время часов были совершены три хиротесии во чтецов (один из посвященных — немец по национальности, строитель церкви в Кобленце). В начале литургии высокопреосвященный митрополит Филарет наградил протоиерея Леонида Игнатьева, настоятеля франкфуртского храма, палицей, а свящ. Димитрия Игнатьева — набедренником и скуфьей.

Послеобеденные часы воскресенья были посвящены обсуждению деловых вопросов повестки дня совещания епископов.

Германская печать и телевидение широко откликнулись на съезд русских епископов во Франкфурте. Даже газеты левого направления сочувственно откликнулись на принятое совещанием епископов Обращение к христианам в свободных странах.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ В ОЗНАМЕНОВАНИЕ 150-ЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ФЕДОРА МИХАЙЛОВИЧА ДОСТОЕВСКОГО

В воскресенье 1-го августа с. г., в зале при Соборе Св. Троицы на улице Бразиль, в Буэнос Айресе, состоялся Торжественный Акт в ознаменование 150-летия со дня рождения великого русского мыслителя и писателя Федора Михайловича Достоевского.

Во всех странах своего рассеяния российская эмиграция так или иначе отмечает этот юбилейный год, устраивая собрания, акты, выступления. Также наша зарубежная печать отмечает это событие, посвящая ему немало места на своих страницах.

У нас в Буэнос Айресе в свое время был основан Юбилейный Комитет с единственной целью отметить достойно эту годовщину путем организации соответствующих актов на русском и, по возможности, на испанском языках. «Наша Страна» считала своим долгом принять посильное участие в этом обще-русском деле, как это уже известно нашим читателям.

Судя по успеху, с которым прошел Торжественный Акт 1-го августа, можно сказать, что цель достойно отметить юбилейный год нашего великого писателя была вполне достигнута. Действительно, наша местная колония откликнулась на приглашение Юбилейного Комитета и присутствием больше 170-и человек на Акте (что для русского Буэнос Айреса даже очень много) поддержала это начинание.

Собрание началось через 15 минут после указанного в объявлении часа, при переполненном зале, даже со стоящими в проходе. Сцена была украшена русским и аргентинским флагами, а в центре, между цветами, высился большой и красивый портрет Ф. М. Достоевского, имея вместо пьедестала стилизованное изображение сложенных книг с названиями главных произведений писателя.

Первым выступил председатель Юбилейного Комитета, профессор Буэнос-айресского университета В. А. Попов. В своем вступительном слове (которое публикуется в сегодняшнем номере «Нашей Страны» на 1-й стр.), несмотря на десятиминутную краткость, В. А. Попов сумел привлечь внимание слушателей в круг основных мыслей связанных как с самой юбилейной датой, так и с личностью нашего великого писателя. Докладчик особенно подчеркнул духовное

А. Макриди

ОФИЦЕРЫ

(РАССКАЗ)

Что может быть унылее северного зимнего рассвета, цедающегося сквозь грязное небо, и не светом даже, а какой-то мутью, обесцвечивающей все различимое. Впрочем именно такой рассвет и соответствовал бы настроению разбуженного Жеребкова, когда бы пленным настроением полагалось. Но не для них эта роскошь; она заменена неизбежным страхом перед каждым новым днем. Был этот страх и у Жеребкова.

Сегодня его дежурство, нужно встать на час раньше, чтобы сварить ведро жидкого кофе. Заснувшись под изголовье, и там упрямо стрекотавший будильник, Жеребков продолжал лежать, пристально вглядываясь в затененный потолок и медленно втягиваясь сознанием в будничное колесо нарождающегося дня.

Он не сразу вспомнил то главное, что ему сегодня предстояло, а вспомнив, поморщился и принялся поспешно одеваться, точно спасаясь от погони, но не переставая при этом решать головоломку, с которой вчера так и уснул, ни до чего не додумавшись. Перед укладкой, начальник команды, долговязый альбинос Штубенбах приказал:

— Завтра в одиннадцать к господину хауптману в кабинет!

Штубенбах сдвинул невидимые брови и свирепо выпучился на пленного, что, впрочем, после приказа, делал всегда. Он не плохой был, этот немец из балтийцев, и по-русски болтал, только дурак ужасный. А может быть, ему по уставу полагалось быть таким, шут их, немцев, разберет!

Несмотря на смешную напыщенность и утомительную крикливость унтера; несмотря даже на то, что своих поднадзорных он, как детей, ставил в угол, пленные его любили. За плохо вычищенные сапоги ему, иной раз разорется так, что кажется, вот-вот и уйдет нишечком, а он берет кошёлку и идет по лавам, с заднего хода у знакомых латышей, без карточек, на собственные деньги для команды всякую снесь покупать, без которой, на одном пайке, пленные и ног не потянули бы, как в лагере.

Пятнадцать человек их жило под при-

смотром Штубенбаха в богатой квартире бежавших евреев, неподалеку от военного учреждения, где команда исполняла, по преимуществу, тяжелую и грязную работу. Несмотря на кажущийся комфорт отведенной квартиры, пленным в ней было не сладко, в особенности зимой; центральное отопление бездействовало, а другого не было и дом промерзал насквозь. Только в комнате Штубенбаха копящая керосинка героически пыталась поднять температуру, хоть на два градуса. С разрешения начальства, пленные порезали на одеяла портьеры, диванную обшивку, и даже с письменного стола содрали сукно, но все же, по ночам вынуждались вскакивать и заниматься гимнастикой, а раз затеяли французскую борьбу и разбудили Штубенбаха, за что весь следующий вечер простояли в углу.

Ближайший их начальник, начальник команды, унтер-офицер Штубенбах был для пленных уже чем-то вроде генерала, а о начальнике учреждения, хауптмане Кноп, они знали только понаслышке; хауптман Кноп был персоной незримой, олимпийской. А тут, пожалуйста, к нему в кабинет! Жеребков и не знал где этот кабинет.

Зачем заоблачному начальству, едва ли вспомнившему когда-нибудь о пленных, понадобился, ни с того, ни с сего, ни в чем не провинившийся, ничем не отличавшийся неприметный Жеребков? И по фамилии-то, из немцев, знал его один лишь Штубенбах, а остальные и не интересовались, есть ли у русских вообще какие-нибудь фамилии...

Жеребков знал, что иные из его товарищей по несчастью мастера доносы друг на друга строчить, и не куда-нибудь, а прямо на имя господина хауптмана. И пользуясь относительной свободой передвижения и тем счастливым обстоятельством, что секретарша господина хауптмана окончила в Риге русскую гимназию, доносы вручали непосредственно ей. А уж что дальше было, не знали и сами доносчики. Меж тем, бывали доносы важные, заслуживающие внимания. Оказывается, Кубанцев скрыл свою комсомольскую принадлежность,

значение всего творчества Ф. М. Достоевского, и не только для России, но и для всего мира.

Затем выступил с двадцатиминутным докладом сотрудник «Нашей Страны», И. Н. Андрушкевич на тему «Достоевский и Россия». Указав на законность данного юбилея, на основании библейских слов «Вознесите лето, пятидесятое лето», докладчик обратил внимание на значение великих писателей в жизни всех культурных народов. Великие писатели являются как бы пророками, и к Ф. М. Достоевскому это определение подходит больше всего. Очень знаменательно отношение Ф. М. Достоевского к другому нашему величайшему писателю — А. С. Пушкину. Если Пушкин дал нам синтез не только нашего языка, но и попытался дать нам синтез наших народных верований с живыми идеями всего культурного человечества, то Достоевский указал нам на невозможность такого синтеза без предварительного извержения зла. Только после извержения зла возможен взлет. Извержение и взлет и есть катарсис. Яркое изображение зла и есть путь, метод, к последующему извержению.

Центральный доклад на тему «О проникновении Достоевского в духовную жизнь человека», был прочитан профессором Лаплатского университета В. В. Струговым. В течение больше чем одного часа докладчик проанализировал со всех сторон влияние Достоевского на духовную жизнь человека не только в России, но и на Западе, не только во время жизни писателя, но и в наши дни. В. В. Стругов остановился затем на основных биографических данных, касающихся жизни и творчества нашего писателя, а также подверг разбору основные фигуры героев, им созданных. Докладчик особенно подчеркнул следующие слова Ф. М. Достоевского, которые можно считать направленными по адресу всего современного человечества: «Смирись гордый человек». В конце своего доклада, В. В. Стругов попросил всех присутствующих почтить память Ф. М. Достоевского. Все встали, и пропели «Вечная память».

После перерыва началось второе, концертное отделение Акта.

В. Н. Хунунц прекрасно исполнила на рояле два собственных произведения, специально написанных для этого Торжества: «Элегия» и «Экспромт». Обе вещи доставили видимое удовлетворение всем присутствующим, не только благодаря технике их исполнения, но главным образом ввиду удачной насыщенности их содержания.

И. Н. Ланская, со свойственным ей мастерством прочла отрывок из романа «Идиот», а затем рассказ «Мальчик у Христа на елке». Несмотря на трудность такого чтения со сцены, оно было чисто, безукоризненно и с чувством реализовано, благодаря чему произвело большое впечатление на слушателей, особенно же конец рассказа «Мальчик у Христа на елке».

В. Ф. Трофимов исполнил, в сопровождении на рояле маэстро М. Сорин, арнозо «Пророк» на слова А. С. Пушкина, музыка Н. А. Римского-Корсакова, и «Благословляю вас, леса...», слова А. К. Толстого, музыка П. И. Чайковского. Хороший голос, выдержанный стиль и глубокое чувство исполнителя были справедливо оценены слушателями.

В самом конце Акта экспромтом выступил М. М. Седяревич с собственным кратким стихотворением под названием «Слава Достоевскому».

Весь Акт прошел гладко и на высоком уровне, чем и принес удовлетворение не только слушателям, но, повидимому, и потрудившимся устроителям. Однако, самое главное достижение таких начинаний заключается в том, что мы все единодушно чувствуем, что наша великая Российская культура является живой связью не только между нами русскими за рубежом и нашим народом на Родине, но и между прошлым и будущим России.

П. Б.

а Гундобин, в течение одной только недели, во сне дважды произнес имя Сталина. Калмыченок Николашка, ксгати, единственный, получавший от Штубенбаха подзатыльники, порой полноценные, упрямо избоблял скрытых евреев, не то же пока безрезультатно. Даже меморандум на трехстах страницах, адресованный Фюреру, о послевоенном переустройстве России, над которым бывший партизанин Хрипчук трудился три месяца, не удостоился отклика. Как под лёд!

Жеребков доносов ни меморандумов не сочинял и откликов не ожидал. Трудно было допустить и то, чтобы на него кто-нибудь из ребят наклепал. Со всеми он был в ровных отношениях, ни с кем не сорвался, ни в каких интригах не участвовал. Его даже почитали за то, что — некурящий — он для товарищей окурки собирать не брезговал.

Недавно только, Жеребков сорвался и к позднему своему стыду и огорчению, раскрылся в патриотизме. И перед кем! Гадом ползучим, тьфу!..

Впрочем, потому и сорвался, что Русов (фамилия одна чего стоит, явно вымысленная!), как-то особенно, раздражающе противен был Жеребкову и ему ежедневно приходилось сдерживаться, чтобы не наговорить лишнего.

Русов отреккомендовался всем донцом (с ударением на первом слоге), освобожденным в совдепии от призыва. Врал, конечно! Если в университете лестницу подметал, и то много. Изловчился в переходный момент длинные штаны надеть, вот и все освобождение; такой же он, подлец, пленный, как и все, а вывернулся, служит теперь по вольному найму, жалованье получает и на приватке живет!.. И почему это, всякая шпана, для пущей интеллигентности очки надевает и бородку отпускает? Под Чехова, что ли?

При воспоминании о Русове, Жеребкова замутило. Он избегал встреч с ним, но тот сам приставал. Даже если видел, что Жеребков с кем-нибудь разговаривает, непременно встревал третьим. Так это и случилось позавчера. Беседовал Жеребков в коридоре со старым эмигрантом из Парижа. Невзвестно, зачем его принесло сюда, но он имел полномочия и пленным разрешалось разговаривать с ним даже во время работы.

Больше всего парижанина интересовала степень успеха большевицкой пропаганды немецких зверств. Подоспевший Русов, и рта раскрыть Жеребкову не дал:

— Да уж будьте покойны! Коммунисты по жидомасонской шпаргалке такие страсти наворачивают, что кого хотите смутят. А вообще-то, каждый, конечно, мечтает в плен попасть.

Жеребков выпрямился и повернулся к Русову.

— Знаете, хороший, отвечайте-ка за себя! А я вот, — говорил он уже парижанину, — ни за что бы живым не дался. Меня батарейцы подобрали, я без сознания был. Только потому и в плен попал, а то бы нипочем!

— Это выходит, за родину — за Сталина, что ли?

— За родину, господин Русов!

— Да, ведь, родина-то сталинская! — проржал Русов.

— У нас родина одна как я понимаю. Впрочем, не знаю, может вы уже германское подданство исхлопотали?

Русов нехорошо улыбнулся, подмигнул зачем-то парижанину и отошел.

Оба посмотрели ему вслед и помолчали. Затем, парижанин решительно обратился к Жеребкову:

— Хочу задать вам нескромный, но поверьте старому русскому офицеру, совершенно безопасный для вас вопрос. Вы коммунист?

Жеребков энергично мотнул головой.

— Нет!

— Тогда, простите, я просто не понимаю, зачем вам было защищать эту собачью власть?

— А я и не думал ее защищать. Я себя защищал, свою семью. Миллионы пошли к немцам, и я их не осуждаю, они поверили. А я не смог. Согласитесь, не к чему мне шило на мыло менять было!

— Вы верили в немецкие зверства?

— Нет, не верил. То есть знал, конечно, что бывают. На войне без этого нельзя, наши тоже не ангелы. Да, что говорить! Разве сама война не зверство? Однако, что немцы младенцев жрут, я не верил, и не верю. Зверств, как их избображают, нет. А свинства много, и началось оно до войны. Рибентропп в Москву прилетал? Прилетал! Молотова в Берлине принимали? Принимали! Не го-

✠ С глубоким прискорбием Редакция «Нашей Страны» извещает, что 4-го июля 1971 года в г. Сидней (Австралия) скончался

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ СПАСОВСКИЙ

бывший представитель и долголетний (22 года) постоянный сотрудник «Нашей Страны»,

и выражает искреннее соболезнование семье покойного.

ворите мне, что это политика; простому человеку безразлично — в быту ли, в политике — свинство, надувательство, предательство остаются самими собой, а всякая попытка оправдать их, есть только дополнительный обман, дополнительное свинство... А теперь, позвольте и мне — русскому крестьянину — задать безопасный вопрос: легко ли было бы вам на моем месте решить за вверенных вам солдат, что голодная смерть для них лучше, чем в бою? Сдали бы вы их в плен врагу, от которого гуманности можно ожидать не больше, чем от своей собачьей власти?

Парижанин промолчал.

— Вот она, в чем заковыка! Вы уж меня простите, что я так, прямо, по-мужицки. И не поминайте лихом. Извините, мне на работу пора... — Погодите, минутку! Почувствовать себя в вашем положении мне, конечно, трудно, и на вопрос ваш ответить, поэтому, тоже не легко. Одно мне ясно: при других условиях, хороший бы из вас офицер вышел, не советский, а настоящий, русский! Дайте руку!

— Что ж, может, я офицер и не настоящий, но уверяю вас, не такой уж и советский! — пожал парижанину руку, с грустной улыбкой заметил Жеребков.

— Не обижайтесь, дорогой, я не хотел вас задеть. Да пошлет вам Бог заслуженной удачи в вашей незаслуженной участи!..

Вспоминая этот разговор, и просверливая ножницами очередную дырку в ремне, Жеребков о другой удачи не мечтал, как только о том, чтобы сегодня пронесло как-нибудь мимо, без последствий.

Во время утренних приготовлений к работе, кто-то вызвал Штубенбаха к телефону и Жеребков тайне надеялся на отмену явки, но вместо этого, Штубенбах еще раз напомнил о ней, когда отвел команду на работу. И немцу жеребковскому сказал, чтобы тот без пяти одиннадцать освободил пленного для разговора с самим господином хауптманом. Перепуганный каптенармус уже без четверти одиннадцать приказал герру... как его... ну, словом пленному умыться, почиститься, причесаться и поторопиться на четвертый этаж, то есть на Олимп, к высшему начальству.

Тем временем, высшее начальство, хауптман Кноп, в гражданском миру наци и футбольный репортер, совсем и не думал о Жеребкове, а флиртовал со своей секретаршей, такой же мастодонистой и красивой, как он сам. Флиртом, традиционно, начинался и завершался (нередко продолжался) трудовой день герра хауптмана, но ничего предосудительного в этом не было: сей распорядок вынуждался и оправдывался тем, что, как высшему начальству, так и его секретарше, кроме флирта, заниматься было почти нечем. В успешно руководимом деле, хауптман Кноп, выражаясь более или менее точно, не смыслил ничего. И не пытался осмыслить, поскольку в этом не было заметной необходимости; смыслили помощники, одетые в военную форму и благословившие судьбу за избавление от неудобств фронтальной жизни, постоянно висящей на волоске. Смыслили они добросовестно и сводили отчетный график с приказами аккуратно.

Философский подход к своему служебному назначению, как мылом, очищая от случайных сомнений гордую совесть хауптмана Кноп и исчерпывался твердой верой в непогрешимость Фюрера, непобедимость германского оружия и недоразумение при посылке его — молодого, здорового, без каких-либо связей — офицера на тыловое безделье, продолжительность коего рисовалась в воображении догадливого начальника менее отчетливо, чем скорое откомандирование на передовые позиции, а там, как хорошо было всем известно, никаких секретарш господам офицерам по штату не полагалось.

Не задумываясь над сроками и честно готовый ко всему, в том числе и худшему, хауптман Кноп, попросту, не теряя времени пользовался всеми выгодами своих двадцативосьмилетнего возраста и избалованного женским вниманием тела. Ну, опять же, и высоким качеством

голландских ликеров, бесперебойно поступавших на вооружение военного начальства.

Ни они, ликеры эти, ни затягивавшееся далеко за полночь сверхурочное времяпрепровождение с секретаршей — неременной участницей всех ликерных дегустаций — ни на минуту не отсрочивали утреннюю переключку военнослужащих; начальник был неизменно пунктуален и являлся перед строем ровно в восемь, свежим, выбритым, напомаженным и подтянутым.

Ежедневная пятиминутная строевая процедура, таким образом, служила по-настоящему легкой самоотверженных тыловиков в общий котел военных действий, за которыми хауптман Кноп внимательно следил в своем двухцветном кабинете по необъятной карте с традиционными флажками. И уж после ознакомления с положением на фронте и независимо от него, хауптман Кноп принимался неистово зевать, по начальственному раздирая рот с полной откровенностью. Секретарша не отставала, но стыдливо прикрывалась служебной бумагой. Потом, оба заговорчески смеялись.

— Вы, кажется, не выпались, герр хауптман?

— Это заметно по моей секретарше. Снова посмеются и поглядят на дверь с одной и той же мыслью, но вздохнут, и только; конечно, военная служба полна риска, но и осторожность не мешает, хоть попасть в кабинет без доклада невозможно.

Заглянув в блокнот, прикрывавший предательскую зевоту, секретарша ожидалась, посмотрела на часы и доложила:

— На одиннадцать вы назначили разговор с русскими.

Начальник прищурился и старался вспомнить, какой разговор и почему с русскими. Секретарша не мешала и начальник вспомнил. Тоже оживился и посмотрел на часы, но задумчиво забарабанил пальцами по ручке кресла. Секретарша спросила:

— Может, отложить, или отменить?

— Нет, это забавно, зовите!

Ровно в одиннадцать Жеребков поступал в дубовую резную дверь с массивной бронзовой ручкой. Войдя, увидел Русова. Тот стоял в стороне и на вчерашнего не взглянул. «Ах, вот в чем дело!» — Жеребков, чуть не плюнул.

После короткого доклада, секретарша открыла дверь в кабинет.

— Герр хауптман вас ждет.

В дверь двинулись оба сразу, Жеребков прямо, Русов сбоку. И получилось так, что неуклюже ткнувшись в Жеребкова, Русов «отдал» и остался позади, а Жеребков твердым военным шагом вступил в кабинет, дошел до середины, щелкнул каблучками и застыл.

«Ну, подожди, хам, сейчас узнаешь!» — молча злорадствовал Русов. Он попытался отыгаться и ближе подойти к столу, но секретарша остановила и попросила отойти в сторону. Русов покраснел.

Кноп поднял брови и с нескрываемым любопытством разглядывал обоих. Секретарша приготовилась переводить. Жеребков выжидательно глядел на Кнопа, а Русов ерзал, не зная куда деть руки.

Наглядевшись в досталь, как в зоологическом саду, Кноп спросил, в каком чине или звании воевал Жеребков. Тот все понял, но решил объясняться через переводчицу.

— Я командовал батареей, в чине капитана.

— А при каких обстоятельствах вас пленили?

— Вся дивизия попала в окружение. — Тогда вы прекратили сопротивление и сдались?

— Нет, продолжал стрелять.

— До каких пор?

— Пока не был контужен.

Русов никак не мог найти позу, приличествующую роли обличителя. Раздосадован он был еще и тем, что, вопреки ожиданию, Жеребков отвечал смело и откровенно, что ослабляло театральность предвкушенного посрамления крамольника. «Хитер, стервец!» — думал обличитель. — «Признанием надеется добиться

снисхождения». Единственно, что радовало Русова, это недостаточная почтительность в ответах Жеребкова. С видом сообщника, он поглядывал на Кнопа, стараясь угадывать его настроение, но и это не удавалось; на высоком челе высокою начальства не отражалось ничего, кроме, все того же любопытства. Наконец, для Русова наступила долгожданная минута.

— Пусть тот, другой, повторит все, что мне написал, — обратился Кноп к секретарше.

Русов наклонил голову в знак покорности, кашлянул в кулак и начал издавать, но Кноп нетерпеливо спросил:

— Говорил ли этот капитан, что никогда бы немцам живым не сдался?

— Так точно, ваше превосходительство, говорил.

— И вы это слышали?

— Собственными ушами, ваше превосходительство!

— Вы это подтверждаете или отрицаете? — спросил Кноп Жеребкова.

— Подтверждаю.

Кноп поднялся, обогнул стол и вплотную подошел к Жеребкову. Немец оказался на голову выше коренастого, но не высокого советского капитана. Жеребков слегка побледнел. «Неужели треснет?!» — восхищенно приковавшись к немцу, соображал Русов.

— А можете ли вы мне сейчас это повторить? — внимательно глядя в глаза еще более побледневшему Жеребкову, спросил Кноп. «Молодец!» — чуть не крикнул Русов. Не опуская глаз, глухо, но твердо и раздельно пленный произнес:

— Яволь, герр хауптман... — В таком случае, позвольте позвать вам руку! — без улыбки, серьезно заключил Кноп.

Жеребков оторопел и впервые смешался. Он не сразу догадался принять протянутую руку, и точно спохватившись, порывисто пожал ее так крепко, как мог. Кноп продолжал спокойно рассматривать Жеребкова и ему показалось, что у того увлажнились глаза. Но это, разумеется, только показалось.

— Скажите им, что они свободны, — произнес Кноп и вышел из кабинета.

— То есть, как — свободны?! — глядя на Жеребкова, забеспокоился Русов.

— Господин хауптман хотел сказать, что вы можете идти, — пояснила секретарша.

Жеребков поклонился секретарше, вздохнул полной грудью и тоже направился к двери. Русов остался на месте.

— Вам еще что-нибудь нужно? — осведомилась секретарша.

Русов ничего не ответил, поправил очки и, поспешно приосанившись, удалился.

**

В жизни Жеребкова ничего не изменилось; неожиданное происшествие с еще более неожиданным концом, ничуть не повлияло на будни гнетущего плена; попрежнему, Жеребков выгружал великанские рулоны бумаги, сыпал в люк угольную пыль и дважды в месяц чистил штубенбаховские сапоги и заваривал в ведре кофейный «эрзац». Только в отношении к себе Штубенбах он почувствовал одному ему заметную теплоту.

А Русова уволили, потому что он перестал приходить на службу. Перестал же он приходить в твердом убеждении, что его уволили. Излишек свободного времени он посвятил обстоятельному рапорту в Главный Штаб, Ober Комmando Вермахт, о том, что «... в судьбоносные дни татанической борьбы за построение во всем мире Новой Европы, к сожалению, приходится наблюдать, как глупое влияние мирового жидомасонства коснулось священных рядов непобедимой Германской Армии, в лице некоторых ее, прокоммунистически настроенных, якобы, офицеров, окопавшихся в обзоре исторических потрясений и втихомолку изменяющих... Фюреру».

Накопив богатый опыт секретного осведомления задолго до войны, Русов не испытывал затруднений в изложении своих мыслей. И сейчас, вот, все шло до пятой страницы, как вдруг встретилось препятствие: просто «Фюрер» показалось чуткому автору фамильярным. Настоятельно требовалось почтительное прилагательное. Оригинальное и политически выдержанное.

Поправив очки, на этот раз воображаемые, потому что — дома, за ненадобностью, они отдыхали в футляре, Русов откинулся на спинку стула, закрыл глаза и задумался: родной, любимый, гениальный, великий?..

А. Макриди

В субботу 11 сентября 1971 года в 22 часа в залах Tiro Federal Argentino

Av. Libertador General San Martin 6953 - Capital

ЕДИНСТВЕННЫЙ - НЕПОВТОРИМЫЙ И ТРАДИЦИОННЫЙ

Б А Л О. Р. Ю. Р.

„ПЕТЕРБУРГСКИЕ БЕЛЫЕ НОЧИ“

ТЕМНЫЕ КОСТЮМЫ для кавалеров и вечерние туалеты для дам обязательны

ВХОД — 1000 ПЕСО. СТОЛИКИ НА 4-6 ЧЕЛОВЕК — 1000 ПЕСО, НА 8-10 ЧЕЛОВЕК — 2000 ПЕСО.

БИЛЕТЫ И СТОЛИКИ НУЖНО ЗАКАЗЫВАТЬ ПО ТЕЛЕФОНАМ: ОТ 19 ДО 22 ЧАС. 32-0473 — А. В. БАУМГАРТЕН, 797-1180 — И. Н. ШМИТОВ, 797-4580 — Г. Л. ЛУКИН И ОТ 10 ДО 19 ЧАС. 44-2061 И 44-6353 — А. В. БАУМГАРТЕН, И. Н. ШМИТОВ.

ПО СУББОТАМ ОТ 19 ДО 20 ЧАС. В ПОМЕЩЕНИИ О.Р.Ю.Р.:

CALLE BUENOS AIRES 2655, OLIVOS

МЕСТО ДЛЯ ТРЕХСОТ АВТОМОБИЛЕЙ ОБЕСПЕЧЕНО

БЛИЖАЙШАЯ ЖЕЛ. ДОР. СТАНЦИЯ NUÑEZ ЛИНИЯ MITRE ЧЕРЕЗ BELGRANO “С”.

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН — 138

РАКОВЫЙ КОРПУС

Он сам уже кончал, он сам уже видел по усталому заморганному лицу Людмилы Афанасьевны, что отвлекающий разговор не оказался ей полезен. Тут еще и открылась дверь с веранды и вошел — вошел будто пес, но такой крупный, теплый и невероятный, как человек, зачем-то ставший на четыре ноги. Людмила Афанасьевна хотела испугаться, не укусит ли, но как разумного человека с печальными глазами его невозможно было пугаться.

Он шел по комнате мягко, даже задумчиво, не предвидя, что здесь кто-то может удивиться его входу. Но один только раз, выражая входную фразу, он поднял пышную белую метлу хвоста, мотнул ею в воздухе и опустил. Кроме черных висячих ушей весь он был рыже-белый, и два этих цвета сложным узором перемежались в его шерсти: на спину ему как бы положили белую поню, бока были ярко-рыжие, а зад даже апельсиновый. Правда, он подошел к Людмиле Афанасьевне и понюхал ее колени, но все это очень ненавязчиво. И не сел близ стола на свой апельсиновый зад, как ожидалось бы от всякой собаки, и не выразил какого-либо интереса к еде на поверхности стола, лишь немного превышающего верх его головы, а так на четырех лапах и остался, круглыми сочно-коричневыми глазницами смотря повыше стола с трансцендентной отреченностью.

— Да какая же это порода?? — изумилась Людмила Афанасьевна в первый раз за вечер совсем забыла о себе и о своей боли.

— Сен-бернар, — поощрительно смотрел Орещенков на пса. — Все бы хорошо, только уши слишком длинные, и Маня когда кормит — сердится: «Что тебе их, веревками подвязывать? в миску сваливаются!»

Разглядывая пса, Людмила Афанасьевна восхищалась. Такому псу не место было в уличной суете, такого пса и никаким транспортом, наверно, не разрешалось перевозить. Как снежному человеку только и осталось место в Гималаях, так подобной собаке только и осталось жизни в одноэтажном доме при саде.

Орещенков отрезал сусок пирога и предложил псу — но не бросил, как из жалости или забавы бросают другим разным собакам, и те становятся на задние лапы, подскакивают и лязгают зубами — этот пес становился на задние лапы не служить, а в знак дружбы положить передние на плечи человека. Орещенков именно угостил его пирогом как равного — и тот как равный, неторопливо снял зубами с ладони-тарелки, может быть и не голодный, но из вежливости.

И почему-то приход этой спокойной задумчивой собаки освежил и развеял Людмилу Афанасьеву, и уже встав из-за стола она подумала, что не так-то все еще с ней и плохо, даже если операция, а вот плохо она слушала Дормидонта Тихоновича и:

— Просто бессовестно! Пришла со своей болячкой и не спрошу: а как же в а ш е здоровье? как — вы?

Он стоял против нее — ровный, даже породный, с еще ничуть не слезящимися глазами, со все дослышивающими ушами, и что он старше ее на двадцать пять лет — в это нельзя было поверить.

— Пока ничего, — не очень теплой, но вполне доброжелательной улыбкой улыбался он. — Я вообще решил не болеть перед смертью. Умру, как говорится, в одночасье.

Он проводил ее, вернулся в столовую и опустился в качалку — гнутую, черную, с желтой сеткой, потертой спиной за много лет. Он опустил малым качком и как только она сама затихла — больше не раскачивался. В том особенном положении переброкинутости и свободы, которое дает качалка, он замер и совсем не двигался долго.

Ему теперь часто надо было так отдыхать. И не меньше, чем требовало тело этого восстановления сил, — его внутреннее состояние, особенно после смерти жены, требовало молчаливого углубления, свободного от внешнего звука, разговора, от деловых мыслей, даже от всего того, что делало его врачом. Его внутреннее состояние как будто требовало омыться, опрозрачить. Вот такая молчаливая неподвижность с незадачными, даже несколькими мыслями давала ему эту чистоту и полноту.

В такие минуты весь смысл существования — его самого за долгое прошлое и за короткое будущее, и его покойной жены, и его молоденькой внучки, и всех вообще людей представлялся ему не в их главной деятельности, которую они постоянно только и занимались, в ней паллагали весь интерес и ею были известны людям. А в том, насколько удавалось им сохранить неомутненным, непродрогнувшим, неискаженным — изображение вечности, зароненное каждому.

Как серебряный месяц в спокойном пруду.

31.

Возникло и присутствовало какое-то внутреннее напряжение, но не утомляющее, а — радостное. Он даже точно ощущал, в каком месте это напряжение — в передней части груди, под костями. Напряжение это слегка распирало — как горячеватый воздух; ныло приятно; и, пожалуй, звучало — только не звуками земли, не теми, которые воспринимает ухо.

Это было иное чувство — не то, что на прошлых неделях тянуло его за Зоей по вечерам, то было не в груди.

(Продолжение следует)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ДЕЛО ГОЛЕНЕВСКОГО

Нам пишут из Нью Йорка:

Редакция выходящей в Нью Йорке небольшой ежедневной газеты «Дэйли Миррор» сообщила, что она обратилась к «Его Императорскому Высочеству Алексею Николаевичу Романову», то есть к живущему в Соединенных Штатах под псевдонимом Михаила Голеневского самозванцу, выдающему себя за убиенного Наследника Цесаревича, с просьбой написать для этой газеты серию статей и получила его согласие.

По словам редакции, автор этих статей «расскажет в них свою жизнь, прошлое и настоящее, и будет комментировать политические, военные и разведывательные события как местные, так и международные». Статьи самозванца будут — по словам редакции — появляться в газете еженедельно.

Как все, что до сих пор писал Голеневский, его первые статьи, озаглавленные «Цена свободы — вечная бдительность», содержат фантастические утверждения. Самозванец утверждает в них, что, еще будучи в Польше, он с 1958 до 1960 года сообщил западным государствам все подробности существования подпольной, состоящей из коммунистов и национал-социалистов организации, возглавленной Мартином Борманом и другими бывшими руководителями членами германской национал-социалистической партии. Перечисляя их, Голеневский назвал бывшего германского «протектора» Хейдриха, который якобы не был убит в Праге, бывшего руководителя Гестапо Мюллера и бывшего начальника Абвера адмирала Канариса, который якобы не был казнен по распоряжению Гитлера.

В подтверждение своих слов, Голеневский сослался на живущего в Вене возглавителя особого отдела израильской разведки Визентала, организовавшего похищение Эйхмана из Аргентины и обнаружившего в Бразилии бывшего команданта германского концентрационного лагеря Трешника, в Польше, Франца П. Штангля, которого Бразилия выдала Западной Германии, где он был судим, признан виновным в истреблении нескольких сот тысяч евреев и славян, приговорен к пожизненному заключению и

скончался 27-го июня 1971 года в тюрьме, а — по словам Голеневского — был там умышленно.

Со смертью Штангля Голеневский связал неожиданный отказ западно-германского канцлера Курта-Георга Кисингера от возглавления Христианско-Демократического Союза и от выдвижения своей кандидатуры на должность канцлера в 1973 году. Самозванец не объяснил, какая между этими событиями существует связь.

В другой статье Голеневский написал, что Соединенным Штатам опасна более всего ранее упомянутая им подпольная организация, состоящая из коммунистов и бывших национал-социалистов. Он связал с влиянием этой организации состоявшееся в прошлом году в Нью Йорке издание воспоминаний бывшего гитлеровского министра военной промышленности Альберта Шпеера.

Голеневский приписал Ежову закулисное участие в переговорах между Сталиным и Гитлером, закончившихся заключением договора в 1939 году, и этой тайной активностью Ежова объяснил его исчезновение, утверждая, что позже Ежов бежал из СССР в Китай и там сотрудничает с главой китайской военной и политической разведки, генералом Кванг-Ченгом.

Самозванец обрушился затем на изданную в 1970 году в Нью Йорке и перезданную в этом году в Лондоне книгу его сообщника, американского журналиста Гая Ричардса «Поиски Царя», написав, что автор этой книги умолчал о существовании опасной для свободного мира тайной организации коммунистов и национал-социалистов, но включил в нее не менее ста неточных, лживых и оскорбительных утверждений.

В заключение той же статьи самозванец написал, что в 1970 году он установил связь с членом британской Палаты Общин Питером Беселлом, от которого получил 28-го июля того же года письмо, включенное в статью.

Обращаясь к самозванцу как к «Императорскому и Королевскому Высочеству», П. Беселл подтвердил получение письма Голеневского и приложений к нему и сообщил, что еще раз встретился с обозначенным только инициалами лицом, которое привезло в Лондон письмо самозванца, написанное в Нью Йорке накануне.

Выразив надежду на встречу с «Его Императорским Высочеством», П. Беселл прибавил, что он воздержится от оглашения обнаруженных им в государственных архивах Великобритании документов без предварительного согласия самозванца на их оглашение или опубликование.

ЗУБНОЙ ВРАЧ
Dra. PISAREDICH de HORNBAIN
Docenta de Facultad de Odontología
ДОКТОР МЕДИЦИНЫ
(говорит по-русски)
Специальное лечение корней зубов.
Бор-машина **Ultrasónico**.
Искусственные зубы.
Рентгеновские снимки.
Прием ежедневно от 14 до 20 час.
Corrientes 2885, P. 2, Pto 22, Capital
Т. Е. 88 - 3605

Литературное О-во им. А. С. Пушкина
приглашает всех на вечер памяти
ПОЭТА
НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА
15-го августа в 17 часов
на ул. Brasil 315.
Вход свободный.

анатолий степанович горелов

(INMOBILIARIA ALEMANA VILLA BALLESTER)

- Продажа и покупка домов, квартир, имений и помещений для индустрии
- Квартирный вопрос вообще

Lacroze 223. Villa Ballester. Т.Е. 758-0725

Открыто каждый день, включая субботу и воскресенье.

**VIAJE A SU GUSTO
Y CONVENIENCIA**

Venga a

“REX”

AGENCIA DE VIAJES Y TURISMO INTERNACIONAL

R. S. Peña 995 - 3º D

35 - 5251 - 7958

Доктор
ДМИТРИЙ ПОЛЯКОВ
принимает: вторник и четверг
от 15 до 19 час.
остальные дни: заказывать часы.
Pueyrredón 443, Villa Ballester
четыре квартала от станции.

ЗУБНОЙ ВРАЧ
Doctora
А. В. НИКИТИНА-ЧУЧУВАДЗЕ
Endodoncia — лечение корней зубов,
технические работы, рентгеновские
снимки, бор-машина **ultra-sonico**.
Прием по предварительной записи.
Понед., вторник, четверг и пятница
от 15 до 20 час.
Т. Е. 88-0431. PANAMA 914, p. 5, A
Один квартал от подземной жел. дор.
Angel Gallardo по улице Corrientes

Получение метрик, брачных
свидетельств в суде для “jubila-
ción”, подданства и другие
хлопоты.

АЛЛА МАРЧЕНКО

бывшая служащая **Servicio So-
cial Internacional**.
Тел. 701-0449.

В письме этот английский парламентарий назвал себя «покорнейшим слугой Вашего Императорского и Королевского Высочества». Упомянутые им документы — очевидно ныне уже опубликованная в Лондоне дипломатическая переписка между Великобританией и Соединенными Штатами о судьбе Царской Семьи в 1917 году. Никаких доказательств спасения Семьи из Екатеринбурга эта переписка не содержит, хотя она и истолковывается самозванцем и его приверженцами, как свидетельство желания британского и американского правительств это спасение — не из Екатеринбурга, а из Тобольска — подготовить.

**

Из Лондона нам сообщают, что проживающий в Нью Йорке Кирилл Федорович Шишмарев, утверждающий, что в детстве он жил в Царском Селе и был там якобы участником игр Наследника Цесаревича, вел в июне этого года переговоры с британским радиовещанием Би-Би-Си о передаче по телевидению программы, посвященной «спасению Царской Семьи из Екатеринбурга».

К. Ф. Шишмарев утверждает, что его отец, полковник Ф. И. Шишмарев, был командиром гвардейского стрелкового полка и был убит в первой мировой войне.

К. Ф. Шишмарев называет себя также графом де Роган-Шандор, мальтийским кавалером и членом существующего в Соединенных Штатах Суверенного Ордена Св. Иоанна Иерусалимского. Организация эта, к которой принадлежали или еще принадлежат некоторые русские эмигранты, не имеет ничего общего, кроме названия, с историческим Суверенным Мальтийским Орденом, членами которого могут быть только католики. Она поддержала притязания самозванца на имя убиенного Наследника Цесаревича.

ОРТОПЕДИЧЕСКИЙ МАГАЗИН
ORTOPEDIA ALEMANA

Протезы, мужская и женская ортопедическая обувь, корсеты, резиновые бинты и т. д. из лучшего заграничного и местного материала. Исполнение заказов быстрое и точное. Говорят по-русски. Предъявителям этого объявления и русским инвалидам особая скидка.

CALLE LIBERTAD 845 — CAPITAL — Т. Е. 44 - 3213

29-го августа 1971 г. в 17 часов

КОНЦЕРТ—РЕСИТАЛ

ЕЛЕНА САМСОНОВА

в прицерковном зале Св. Троицкого храма (Brasil 315).

Вокальный репертуар концерта Е. Самсонова исполнит, посвящая исключительно произведениям русских композиторов и также исполнит русские народные песни.

Вход — 400 и 500 песо.

У рояля маэстро М. Сорин.

НАША СТРАНА

Орган монархической мысли.

Издатель - Редактор

Т. В. ДУБРОВСКАЯ

Со - Редактор

Н. Л. КАЗАНЦЕВ

Постоянные сотрудники:

И. Андрушкевич, Олег Бартев,
В. Ф. Вальдемарс, С. Л. Войцеховский,
Б. К. Ганусовский, Людмила Келер,
Николай Кремнев, А. Ламберт,
Г. Маслаков, А. Макриди,
Алексей Ростов, Бор. Ряснянский,
Ю. Слэскин, Е. Фест, И. Шмитов

ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА
ИМЕНИ
ИВАНА ЛУКЪЯНОВИЧА СОЛОНЕВИЧА

В «Фонд Издательства имени Ивана Лукьяновича Солоневича» поступили следующие суммы:

от «русского белого из Германии» — 42 нем. марки, от Н. И. Подолана — 3 австр. доллара, от члена РНМД В. Н. Лапина — 10 австрал. дол., от В. Ф. Дрей — 50 франков, от Е. П. Костанда — 50 фр., от семьи Ус-Маковских — 5 дол., от Б. Аршова — 16,00 нов. песо, от семьи Гротовых — 4 дол., от З. В. и С. Л. Войцеховских — 20 дол., от Б. Карамзина — 11,70 нов. песо, от А. А. Сологуба — 13 долларов, от В. Г. — 5 дол., от Д.Н.С. — 60 фр., от читателей газеты Дома Престарелых «Эрмитаж» в Сан Рафаэле — 20 фр., от С. С. Г. (январь, февраль, март) — 15 фр., от Тихомирова — 5 фр., от С.С.Г. (июль, август и сентябрь) — 15 фр., от Б. Демченко — 5,00 н. песо, от о. Спиридона — 5 дол., от Э. Н. Геацингова — 4 дол., от М. Марамбеевой — 6 дол., от Отдела РНМД в Сан Франциско — 50 дол., от В.Г. Яр (май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь) — 40 нем. марок, от В. И. Бохонова — 20 нем. марок, от И. А. Чуба — 50 нем. марок, от В.И.Р. — 7 фунтов, от Б. С. Димитрова — 3 дол., от Н. Сапрунова — 3 дол., от С. М. Алпатовой — 20 дол.

От Распространителя «Нашей Страны» в Корпусном Доме в Villa Ballester И. М. Пономаренко — процентные отчисления от продажи газеты (январь—июнь) — 52,00 н. песо.

От Представителя «Нашей Страны» в Бризбене (Австралия) М. П. Хатлова — процентные отчисления от продажи газеты — 15 австрал. дол.

От Представителя «Нашей Страны» в Парагвае Б. Н. Эрн — процентные отчисления от продажи газеты — 55,29 нов. песо.

**RELOJERIA Y
JOYERIA**

Русский ювелир
и

часовых дел мастер

АНДРЕЙ ВАСИН

GALERIA YA YA

Bmé Mitre 550 Moreno F.C.N.G.S.M.